

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ярков А. П.,

г. Тюмень, Россия

Религиозное самоопределение всегда исполняло и исполняет (несмотря на доминирование в настоящее время атеистического мировоззрения) важную культуротворящую миссию, определяя нравственные ориентиры в поступках и образах мышления индивида. Тем более, если речь идет о событиях XVIII в., когда государственные (официальные) идеологии в форме религий во всех странах мира «цементировали» большую часть социума. Приверженцы «нетрадиционных» для тех или иных государств религий испытывали ограничения, если не оговаривалось право их исповедания.

Заметим: данный период не только в российских документах характеризуется смешением конфессиональной и этнической принадлежности, в котором фигурировали обезличенные понятия «немец» и «басурманы». Так русская поговорка говорила о соплеменниках, посещавших Западную Европу: «Наши бары за морем бусурманятся, а домой воротятся, свое и не любо» (1).

Каждое государство, заметим, в глобальной исторической сущности не является средством поддержки сложившегося «неравенства». Это лишь база по оптимизации взаимоуравновешенных притязаний людей, пребывающих в его пределах. В связи с этим становится очевидным, что право – это не рамки (в которые нужно «втиснуть» гражданина) государства, а мера проявления частной воли, гарантированная возможностью ответственности каждого перед всеми и каждого перед каждым, которая осознается значительной частью социума. Соответственно, законный интерес рассматривался не как придаток к праву, а как польза, которую приносит индивиду его пребывание в государстве. Причем основу реализации этой пользы определяли не столько представления индивида, сколько гарантирующие ресурсы государства (2).

Все это соотносимо с той ролью, что играли религиозные воззрения в Российской империи (и на восточных ее окраинах, кстати, еще четко не определенных во времена Камчатских экспе-

диций). На всем этом пространстве РПЦ активно противостояла распространению «иноверия», но не всегда эту политику могла проводить, так как государственная власть была заинтересована в использовании и знаний и опыта иностранных специалистов в разных областях. А стабильность на вновь присоединенных территориях требовала терпимого отношения к религиозным практикам аборигенов.

Для всего российского общества вторая четверть XVIII в. стало «трудной» в духовном смысле, поскольку это время кардинальной смены усилиями правителей парадигмы развития. Она шла под влиянием европейских идей, которые начали играть моделирующую роль в развитии российского общества (при этом православие исповедовала большая его часть), в малой степени, но коснувшихся и того, что происходило восточнее Уральских гор.

Нет точных данных о численности населения, оказавшегося «под дланью» российских властей (что позволило бы соизмерять удельный вес различных групп) и сферу духовных ориентиров. Можем лишь обратиться к расчетам Б. О. Долгих. Он оценил численность населения к началу XVIII в. лишь по Западной Сибири – в 154,7 тыс. чел., в том числе: обские угры и северные самодийцы (31 600), северные тюркоязычные (49 700) и монголоязычные (37 200) группы (3) при многообразии религиозных верований. По Восточной Сибири и Дальнему Востоку точных данных того периода нет, а по Аляске («открытой» Второй Камчатской экспедицией) учета не проводилось.

Процесс миссионерской деятельности в зоне российских политических интересов происходил все Новое время: доминировали в ней представители официального православия (старообрядцы ограничивались, за редким исключением, своей паствой), действуя среди всех, без исключения, групп населения. Мусульмане и буддисты проповедовали среди сторонников архаичных верований, живших вблизи. Им, как и немногим католикам, протестантам, иудеям, миссионерствовать вообще-то запрещалось.

Стоит заметить, что коренное и аборигенное

1 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. Т. 1. М., 1991. С. 53.

2 см.: Ярков А. П. История ничему не учит ... тех, кто не желает у нее учиться (к вопросу о диалоге религий) // Вестник Нижневартковского государственного университета. Нижневартковск, 2008. С. 35–42.

3 История Сибири с древнейших времен до наших дней: [в 5 т.]. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 55.

население не принимало натиска на их духовные убеждения и практики со стороны православных миссионеров. Эта часть местного социума оставалась консервативной, а часть населения продолжала питать негативное отношение к православия и миссионерам. Об этом свидетельствуют изъятые книги и рукописи на татарском, арабском и персидском языках, где «значится прекращение христианской веры и прочие на христианское благочестие хулы» (4).

В этом контексте очень важно определить: кто был носителем другой идеологии; какими целями и приемами руководствовался; в какой мере это соответствовало обстоятельствам среды и эпохи; отвечало ли потребностям аборигенного, коренного и пришлого населения; и как это повлияло на общественные отношения?

В своих трудах западноевропейские ученые культивировали такой же исторический шаблон, что лишь в деталях отличался от православной интерпретации. Это обстоятельство вполне объяснимо, поскольку «любые старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» (5). Как заметил А. Каппелер, идеология Просвещения позволяла европейцам признать за равных только оседлых мусульман (6). Естественно, что номады, как и недавно ставшие оседлыми группы при этом ставились на низкую ступень цивилизационного развития.

В Азиатской части России конфессиональная ситуация характеризовалась: а) господствующим положением Православной Церкви (хотя и поставленной Петром I в зависимость от государственных институтов); б) жестким противостоянием старообрядческих общин государству и РПЦ; в) наличием религий (в том числе мировых – ислама и буддизма) и верований, традиционно исповедуемых коренным и аборигенным населением; г) появлением новых деноминаций западноевропейского происхождения.

Последний аспект связан с увеличением числа иностранцев, приглашенных в страну на по-

4 Примем во внимание, что исследование конфессиональной истории предполагает такой специфический метод как «вчитывание» в текст источника, что формирует отстраненное отношение к описываемому событию, учитывая нередко предвзятое отношение автора. – см.: ГАТО «ГАТО». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 117 об.

5 Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. М., 1977. С. 185–186.

6 Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отечественная история. 2003. № 2. С. 132.

стоянное жительство и для освоения территорий (колонисты) или для службы (военные, моряки, мастеровые, медики, ученые). Среди обобщенно именуемых «немецкими людьми» были представители разных деноминаций, но доминировали лютеране.

Несмотря на предпочтения (со стороны правителей Российского государства, очень заинтересованных в их пользе в различных областях знаний и умений) духовное самочувствие иностранцев зависело от возможности исповедания и отношения местной власти к духовным практикам.

Ситуации же складывались по-разному, завися от терпимого (или нетерпимого) отношения чиновников к «инаковости» тех, кто был им подчинен. В этом смысле находящееся «на государственной службе» иностранцы были лучше (нежели отечественные «иноверцы») защищены от произвола и самодурства «запретителей», поскольку соблюдение религиозных прав гарантировалось государством и оговаривалось при отправке в Россию.

Вопросы в понимании местной этноконфессиональной специфики возникали у самих западноевропейцев, попавших в Северную Азию. Очевидно, что в сознании европейцев здесь находился «Oriens», диаметрально противоположный «Occidens». В записках У. Хорда имеется любопытное наблюдение: «Вокруг той горы расположены избышки татар-вогулов, которые похожи на калмыков с маленькими глазками, плоским носом и широким лицом. Эта нация имеет жалкие дома на татарский манер и исповедует их религию». Дальнейшее же описание их «бога, который живет в лесах и на их языке называется шайтан» (7) свидетельствует о явной путанице в этническом и конфессиональном определении.

В свидетельствах западноевропейцев не стоит искать объективности при анализе другой культуры: в абсолютном большинстве они были христианами по воспитанию и убеждениям. Да и познания в культуре местного населения многих иностранцев поверхностны. Сам командор В. Беринг ошибочно причислял во время Первой Камчатской экспедиции якутов к мусульманам.

Более отстраненно наблюдали ситуацию участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, лучше подготовленной в научном отношении. Так, исходя из задач программы, предварительно составленной академиком Г. Ф. Миллером, они должны были беспристраст-

7 Шебалдина Г. В. Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 54.

но зафиксировать верования и религиозные обряды каждого встреченного ими этноса или племени Сибири. Это осуществить оказалось не просто. Сам Миллер осознавал, что новокрещеным: «...на сем не всегда утверждаться надобно, потому что у некоторых из них сердце еще непрестанно лежит к прежнему языческому закону и того ради много утаевают». Несмотря на подробные инструкции Миллера, не все иностранцы смогли различить духовные практики, причисляя многих нехристиан к «язычникам» (8). Лишь один из участников Второй Камчатской экспедиции, впоследствии оставшийся жить в Сибири, – Я. И. Линденау, наблюдая вблизи барабинцев, зафиксировал, что они «...магометанской веры, хотя до сегодняшнего дня сохранили свои языческие образы. Их шаманы – kamlada..» (9).

Между тем, в составе сопровождавших командора во Второй экспедиции уже имелись богословски образованные люди, что смогли оценить мировоззренческие различия и описать традиции. Такие как занимавший в экспедиции должность врача Г. В. Стеллер – сын протестантского служителя из церкви в баварском г. Бад-Виндсхайме, к тому же учившийся богословию некоторое время в г. Галле в знаменитой Francishe Stiftung. В этом учебном заведении имели представление о происходивших в России процессах (Francishe Stiftung стало признанным центром русистики), а основатель – Г. Франке организовывал помощь (в том числе духовную) оказавшимся в Западной и Восточной Сибири в десятилетней ссылке каролинам – пленным в ходе сражений 1709 г. воинам Карла XII. Ко времени уже Первой Камчатской экспедиции выжившие отправились на родину, а оставшиеся на жительство приняли православие. Некоторые стали занимать важные административные посты и оказали помощь Второй Камчатской экспедиции, с удовольствием общаясь на родном (или родственном) языке с уроженцами Западной Европы.

Для отрядов этой экспедиции члены должны были отбираться «предпочтительнее из русских, а не иноземцев», но, отметим – фактически «за неимением русских ... выбраны желающие из иноземцев» (10). Естественно, это привело к по-

явлению новой задачи – создать условия для исповедания представителей разных конфессий, а не только православных. В экспедициях подобного рода и большой численности наличие священника или монаха – обязательное условие, принимая во внимание сложность, длительность и опасность предстоящего.

Духовное окормление иностранцев становилось в тех условиях и задачей Российского государства. Командор Беринг, будучи ревностным лютеранином (отец – церковный попечитель в датском Хорсенсе) еще до отправки из Петербурга обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой разрешить оплату из казны пастору Э. Миллиессу: «Пореже для себя и обретавшихся в моей команде служителей-иноземцев я нанял пастора». По пути на Камчатку Беринг сам привел пастора к присяге. Тому внедрялось в обязанность окормлять не только протестантов, но и католиков, поскольку «По должности христианской в дальности такой бес пастора пробыть невозможно» (11). Озоботились о духовной поддержке иностранцы и о своих православных сослуживцев. Известно, что Г. Стеллер приобретал для экспедиции православную литературу (12), явно ориентируясь в ее содержании.

В составе экспедиции В. Беринга присутствовало семь православных иеромонахов, поскольку, помимо политической и географической задач предписывалось: «...приведение тамошней народ в христианскую веру» (13). Миссионерствовать они должны были по прибытии на предписанные места, но исполнять требования своей религии обязаны и в экспедиционных условиях. Среди членов православной миссии оказался и иеромонах Арсений (Мацевич), впоследствии ставший митрополитом Сибирским, а затем и Ростовским. Он не только духовно окормлял православных на кораблях, но и сам участвовал в поиске Северного морского пути (14).

Во время экспедиции православные и «иноверцы» оказывались в одном микропространстве (гарнизон, корабль, зимовка), где богослужение или молитвенное общение соседствовали, не вызывая запретов или возмущения. Возник «диалог

11 Там же. С. 245–246.

12 Г. В. Стеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 237.

13 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 65, 78, 87, 159, 522–523.

14 Сулоцкий П. А. К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мацевича: его промемория в Тобольскую губернскую канцелярию, его мниная могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864.

8 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 19, 90.

9 Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этнограф. мат. о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан, 1983. С. 148–150.

10 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 189, 196.

религий», вернее представителей разных мировоззренческих представлений.

Соседи принимали «инаковость», не вступая на путь конфронтации. При этом допускаем, что существовали богословские дискуссии, в «жарких случаях» пресекаемые начальствующими людьми, заинтересованными в стабильности. Объединяющим же началом являлась принадлежность подавляющего большинства членов экспедиции к христианству, отделяя себя от «инородцев», придерживавшихся своих верований.

С этих позиций смотрел и Г. Стеллер на приметы эскимосской культуры, обнаруженные им во время краткой высадки на Западное побережье Северной Америки. Очевидно, что и вынесенный Арсением (Мациевичем) экспедиционный опыт помог ему в выстраивании терпимой

политики по отношению к приверженцам иных конфессий, занимая впоследствии важные церковные посты в Тобольске, Верхнеудинске и Ростове.

Уважение к религиозной традиции и ритуальной практике членов команды Второй Камчатской экспедиции становилась нормой поведения: в тех условиях образ мыслей европейца мог трансформироваться, если рядом он видел равного себе человека.

Объективности ради заметим, что подобной массовой тенденции не было – «век Просвещения в Азиатской части России еще не наступил». Но опыт диалога представителей разных мировоззрений, возникший на этой территории во второй четверти XVIII в., должен быть поучителен и в XXI в.!

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. – М., 1991. – С. 53.
2. *Ярков А. П.* История ничему не учит ... тех, кто не желает у нее учиться (к вопросу о диалоге религий) // Вестник Нижневартковского государственного университета. – Нижневартовск, 2008. – С. 35–42.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней: [в 5 т.]. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968. – С. 55.
4. Примем во внимание, что исследование конфессиональной истории предполагает такой специфический метод как «вчитывание» в текст источника, что формирует отстраненное отношение к описываемому событию, учитывая нередко предвзятое отношение автора. – см.: ГАТО «ГАТО». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 117 об.
5. *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. – М., 1977. – С. 185–186.
6. *Каптелер А.* Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отечественная история. – № 2. – 2003. – С. 132.
7. *Шебалдина Г. В.* Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. – М., 2009. – С. 54.
8. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. – Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 19, 90.
9. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этнограф. мат. о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан, 1983. – С. 148–150.
10. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 189, 196.
11. Там же, с. 245–246.
12. *Г. В. Стеллер.* Письма и документы. 1740. – М., 1998. – С. 237.
13. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. – Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 65, 78, 87, 159, 522–523.
14. *Сулоцкий П. А.* К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мациевича: его промемория в Тобольскую губернскую канцелярию, его мнимая могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1864.